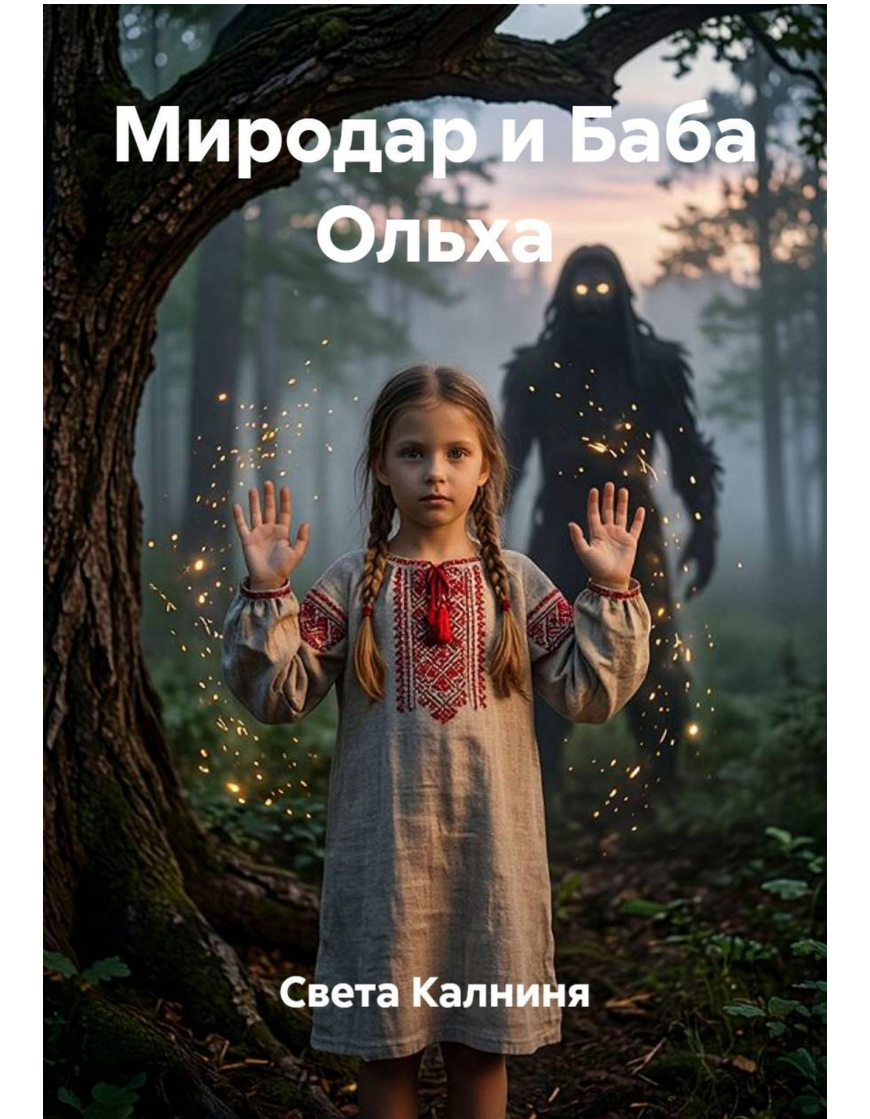

Миродар и Баба Ольха

Света Калниня

Света Калния Миродар и Баба Ольга

<https://litres.ru/74566097>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Миродар и Баба Ольга» — повесть по мотивам славянских преданий о том, как смелость и доброе сердце девочки Дуняши меняют устоявшийся порядок волшебного мира.

Ради спасения любимого телёнка Пеструна Дуняша проходит сквозь лесные чары, не поддаётся коварному зову из темноты и помогает лесному богу Миродару осознать: мир держится не на строгом счёте, а на милосердии и умении прощать. История о взрослении, ответственности и тихой силе любви завершается светлым эпилогом: Дуняша становится опорой деревни, Пеструн — мудрым быком, а некогда враждовавшие Миродар и Баба Ольга теперь мирно встречаются на мосту, чтобы вместе встречать закаты.

Тёплая, атмосферная повесть с фольклорным колоритом — для семейного чтения и любителей славянской мифологии.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Миродар и Баба Ольха

Глава 1

Повесть по мотивам славянских преданий.

Миродар — лесной бог, хранитель зверей и скота, влады-ка нижней воды;

Баба Ольха — старая колдунья лесной чащи, хозяйка порога между мирами;

Дуняша — деревенская девочка, у которой пропал брат.

Деревня Веретье стояла на самом краю мира — дальше были только болота, чёрный лес и река Смородинка, за которой, по словам стариков, «не вода, а граница».

Каждый год в конце лета веретейцы выгоняли скот на дальние луга — и каждый год считали стадо трижды: утром, в полдень и на закате. Считать трижды велел обычай старше самой деревни, и никто не помнил зачем. Просто считали. И вот в то лето, когда Дуняше шёл девятый год, счёт не сошёлся.

Не хватало телёнка. Белого, с рыжей отметиной на лбу в форме листка ольхи.

Телёнка звали Пеструн, и он был не самый лучший в стаде — хилый, ноги тонкие, — но любимый. Дуняшин отец, скотник Еремей, взял его к себе в загон ещё весной, когда

корова-мать загубла, и выкармливал из соски, и разговаривал с ним, как с малым братом.

— Ушёл, — сказал Еремей на вечерней сходке, глядя в землю. — Загородка цела, волчьих следов нет. Просто ушёл. К реке.

Старуха-ведунья Мотря сплюнула через левое плечо и сказала то, чего все ждали и чего боялись:

— К реке — значит, за реку. А за рекой — не наши луга. Там Миродар пасёт своё стадо. Своё, не наше. Пеструн у него теперь.

— Врёшь, — сказал кто-то молодой. — Миродара сто лет никто не видал.

— И слава богу, что не видал, — отрезала Мотря. — Кого видала — того уже нет.

Веретейцы посмотрели друг на друга. Пошли к лесу?

К лесу не пошли. В Веретье умели ждать. Но Дуняша — не умела.

Она дождалась, пока отец уснёт, пока собака Жучка уйдёт со двора. Вылезла в окно и пошла.

Луна стояла низко, красная, как печная заслонка, и тени от трав лежали длинные, цепкие. Дуняша несла в узелке краюху хлеба и соли — мать её, которая умерла три года назад, учила: *в лес иди с хлебом, а не с ножом; с хлебом тебя пропустят, с ножом — не заметят.*

На опушке она увидела то, чего не ждала: тропу.

Не звериную, не людскую — ровную, выметенную, как

будто по ней веками ходил кто-то тяжёлый и большой, и трава под этим кем-то не ломалась, а кланялась. Тропа уходила в чёрную чащу и пахла как ни странно: мёдом, шерстью и почему-то — печным дымом.

«Пеструн не прошёл бы через эту траву», — подумала Дуняша и всё равно пошла. Потому что когда твоё родное ушло в темноту, темнота — не помеха. Темнота — дорога.

Лес принимал её молча. Совы не кричали. Ветра не было. Только под ногами то и дело попадались... листья. Ольховые. Свежие, багряные, будто сорванные сегодня, хотя до осени было ещё далеко, и ни одной ольхи поблизости не росло.

Дуняша шла и клала в узелок по листку. «Пусть будет память», — думала она. Она не знала тогда, что листья ольхи — это деньги другого мира и что собирает их не всякий, а только тот, кому Баба Ольга сама позволила.

К рассвету лес кончился так внезапно, как кончается сон: не спадая, а обрываясь. Дуняша вышла на поляну, а на поляне, среди болотной чёрной воды, стояла избушка.

На курьих ногах — Дуняша сразу узнала её по бабушкиным сказкам, только вот бабушкины сказки обещали страшное, а эта избушка выглядела... усталой. Окна перекошены, труба покосилась, забор изчастях частоколом не стоит — так, ограда из тычин, и на каждой тычине сидит по черепу. Но не страшному. Черепа были маленькие — птичьи, беличьи, лисьи, — и смотрели они не пусто, а внимательно, как старые знакомые.

— Тук-тук, — сказала Дуняша в первое попавшееся окно. Изнутри донеслось:

— Кто с хлебом — входи. Кто с ножом — пусть пеняет на себя.

— С хлебом, — сказала Дуняша.

Дверь отворилась сама.

Внутри было темно, тепло и пахло сушёными грибами. У печи, спиной к Дуняше, возилась старуха — маленькая, сгорбленная, в платке, из-под которого торчали седые космы с вплетёнными в них ольховыми листьями.

— Хлеб на стол. Соль — в солонку. Садись, — сказала она, не оборачиваясь. — Я тебя ждала с полночи, девка. А ждать — дело утомительное в мои годы.

— Вы... Баба Ольга? — спросила Дуняша, ставя хлеб.

— Была Ягой, — сказала старуха, и голос у неё был скрипучий, но не злой. — Потом велели зваться Ягиной. Потом и это забылось — стали Ольхой, по дереву, на котором мне вешать не дали. Долго рассказывать. Ты лучше скажи: за телёнком?

Дуняша кивнула.

— Пеструн. Белый, с рыжим листом на лбу.

Баба Ольга наконец обернулась. Глаза у неё были не чёрные и не синие, а какого-то четвёртого цвета — цвета воды подо льдом.

— Значит, так, — сказала она. — Телёнок твой у Миродара. Он его не украл. Он его *пригласил* — белая отметина

в форме листа, это метка, а метку ставит не человек. Миродар собирает стадо. Не скотское — своё. Погибших зверей, ушедших коров, загубленных телят — он их собирает и пасёт на том берегу, где трава не вянет. И когда набирается стадо по счету — ровно по счету, ни одним зверем больше, — он переправляет его через Смородинку по Калинову мосту и... — она замолчала.

— И что?

— И тогда зима. Настоящая. Он отводит своё стадо в мир, откуда пришли звери, и пока идёт стадо — у нас снег. Год зимы, девка. Ровно столько, сколько стаду идти. Люди этого не помнят — почему-то у людей память короткая, — но старики помнят: бывали годы, когда снег не таял до Петрова дня. Это его стадо шло.

— А Пеструн? Он ведь живой! Он же не погиб!

— Вот, — сказала Баба Оляха и подняла палец, костлявый, с ольховым листком под кожей, как накол. — Вот в чём беда. Пеструн живой. А живого в мёртвом стаде быть не должно — одно живое сердце в мёртвом стаде ломает весь счёт. Стадо не соберётся по числу. Стадо запнется на середине моста. А остановившееся стадо — это, девочка, несчастье, каких не описывали. Миродар не злой. Он просто не умеет ошибаться — а теперь его заставляют.

Она помолчала и добавила, глядя куда-то мимо Дуняши, в тёмный угол избы:

— И он не знает, что телёнок живой. Он думает, что тот

умер по своей слабости, как все хилые. Метку-то он не разглядывал. А ты пойдёшь и покажешь. Ты — пойдёшь. Не я. Мне к Смородинке хода нет уже сто лет, с той поры, как мы с ним... — она осеклась. — С той поры. Не будем.

— С той поры — что? — спросила Дуняша.

Баба Ольха посмотрела на неё долго. Потом взяла с полки глиняный кувшин, отхлебнула, утерлась и сказала:

— С той поры, как я дала ему слово, которое не сдержала. А теперь, девка, слушай, что тебе делать. Мiroдар стоит на том берегу до третьего крика журавлей. Потом стадо идёт. У тебя есть время до третьего крика — считай, до зимы. Но в лес, к его логову, одному не пройти: там перепутья, там обманные тропы, там мой братишка — не братишка, а лесной дух Лешак-младший — играет в путаницы. Я дам тебе три вещи. И предупрежу один раз: не гладь волка с белой грудью, не отвечай на голос, который зовёт тебя по имени матери, и не считай деревья — никогда, ни при каких обстоятельствах не считай деревья.

— Почему?

— Потому что счёт, — сказала Баба Ольха и впервые за всё утро улыбнулась, — это его. Счёт — это его ремесло, его сила и его закон. А кто считает в его лесу — тот играет на его поле.

Дуняша сглотнула. За окном, за мутными стёклами, беззвучно прошёл кто-то огромный — тень легла на всю избу, от крыши до пола.

— Это он? — прошептала Дуняша.

— Нет, — сказала Баба Оляха спокойно. — Это медведь нашёл мед. Миродар — тот, когда проходит, не тень ложится. Тишина.

И в этот самый миг, за сотню вёрст от избы, на дальнем лугу за Смородинкой, белоснежный Пеструн поднял голову и, не зная почему, тихонько ткнулся носом в сторону дома. А могучий, не виданный никем из живых человек пастух этого стада — рогатый, в тумане, с ключом от зимы на поясе — тоже вдруг поднял голову.

Он не знал, что за метка на лбу у белого телёнка.

Но он уже чувствовал, что в его идеальном, выверенном до единого зверя стаде — что-то не сходится.

Глава 2

В избушке было тесно от вещей — таких, каких Дуняша ни в деревне, ни в сказках не видала: свитки, что шуршали сами по себе, как дремлющие гуси; горшок, в котором что-то ворочалось и вздыхало во сне; и вотолка, звеневшая на стене без всякого ветра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.